

Полководцы
Великие
России

ПОЛКОВОДЦЫ 1812 ГОДА. КНИГА 2

РАЕВСКИЙ

МИЛОРАДОВИЧ

ЕРМОЛОВ

АЛЕКСАНДР I

ПАСКЕВИЧ

ДАВЫДОВ

Великие полководцы России

**Полководцы 1812 года.
Книга 2. Николай Раевский,
Михаил Милорадович,
Алексей Ермолов, Александр
І Благословенный, Иван
Паскевич, Денис Давыдов**

«ИД Комсомольская правда»

2014

ББК 63-8

Полководцы 1812 года. Книга 2. Николай Раевский, Михаил Милорадович, Алексей Ермолов, Александр I Благословенный, Иван Паскевич, Денис Давыдов / «ИД Комсомольская правда», 2014 — (Великие полководцы России)

ISBN 978-5-87107-876-1

«Генералы двенадцатого года»... Под этим привычным для нас словосочетанием скрывается целая плеяда полководцев. Их имена навечно связаны с самой героической страницей российской военной истории - Отечественной войной 1812 года. А.П. Ермолов, возглавивший легендарную атаку на Бородинском поле, стоявший насмерть со своей дивизией на бастионах Смоленска И.Ф. Паскевич, герой партизанской войны Д. В. Давыдов - эти герои неотделимы от военной славы нашего Отечества. В новом томе серии «Великие полководцы России» вы сможете узнать интересные подробности об истории и людях Отечественной войны, быть вместе с ними в дни поражений и побед.

ББК 63-8

ISBN 978-5-87107-876-1

, 2014

© ИД Комсомольская правда, 2014

Содержание

Раевский Николай Николаевич	6
Салтановка	9
Смоленск	12
Батарея Раевского	13
Изгнание Наполеона. Заграничный поход	15
Поэты и декабристы	16
Милорадович Михаил Андреевич	17
Ермолов Алексей Петрович	26
До Кавказа	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Полководцы 1812 года. Книга 2. Николай Раевский, Михаил Милорадович, Алексей Ермолов, Александр I Благословенный, Иван Паскевич, Денис Давыдов

Редактор *кандидат исторических наук Н. А. Копылов*

Редактор-составитель *доктор исторических наук М. Ю. Мягков*

**КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА**

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

© ИД «Российское военно-историческое общество», 2014 год.

Раевский Николай Николаевич

14 сентября 1771–16 сентября 1829

В Зимнем дворце в Петербурге в 1819 г. началось создание «Военной галереи», где помещены портреты свыше трехсот генералов, участников Отечественной войны 1812 года. Они были написаны английским художником Доу и его помощниками. А. С. Пушкин отозвался о ней следующими строками:

*У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;*

*Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистью свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстроокой.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадон,
Ни фавнов с чашиами, ни полногрудых жен,
Ни плясок, ни охот, – а все плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.*

Н. Н. Раевский навечно занял в этой галерее свое особое почетное место.

Сражения и победы

Русский полководец, герой Отечественной войны 1812 года, генерал от кавалерии (1813).

«Свидетель Екатерининского века, памятник двенадцатого года, человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привлекает к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества», – сказал о нем Пушкин.

Николай Николаевич Раевский родился в селе Болтышка Чигиринского уезда Киевской губернии. Его отец Николай Семенович, тридцатилетний герой, боевой полковник, о подвигах которого был слышан сам фельдмаршал Румянцев, умер в 1771 г. от ран в Яссах в самые драматические дни первой екатерининской русско-турецкой войны 1768–1774 гг., так и не узнав о рождении сына. Так, на примерах павших в бою закладывались военные традиции семьи Раевских. Судьбу отца повторил его старший сын, любимец Суворова Александр Николаевич, погибший в 1790 г. в победном штурме Измаила, когда с отрядом смельчаков прорвал турецкую оборону. Николай стал достойным продолжателем дела отца и старшего брата.

Будучи внучатым племянником знаменитого фаворита императрицы Екатерины II Г. А. Потемкина и воспитываясь в доме деда по матери сенатора Н. Б. Самойлова, Николай Раевский получил прекрасное домашнее образование. В 1774 г., по обычаю того времени, был приписан сержантом к Семеновскому гвардейскому полку, куда и поступил служить в чине прапорщика в 1786 году. Всемогущий фаворит так наставлял сидящего у него на коленях внучатого племянника: «...Во-первых, старайся испытать, не трус ли ты; если нет, то укрепляй врожденную смелость частым обхождением с неприятелем...» Вскоре юному Раевскому довелось понюхать пороху, приняв участие в войне с Турцией 1787–1791 гг. При этом протекция главнокомандующего русской армии, влиятельного Потемкина была весьма кстати, хотя фельдмаршал прикомандировал его к одному из казачьих полков с приказом «употреблять в службу как простого казака, а потом уже по чину поручика гвардии».

Он быстро продвигается по службе, и уже к 1793 г. 22-летний Раевский, награжденный орденами Святого Георгия IV степени и Святого Владимира IV степени, имеет чин полковника, а вскоре получает под командование Нижегородский драгунский полк, расквартированный в Молдавии. Под его начало служить туда приехал будущий «проконсул» Кавказа, а тогда совсем молодой 16-летний капитан А. Н. Ермолов. Военные походы следуют один за другим. Раевский отличился в 1792 г. в ряде сражений польской кампании, вместе с Ермоло-

вым принял участие в персидском походе 1796 г. В эти же годы он обрел свое семейное счастье, женившись в 1794 г. на внучке М. В. Ломоносова Софье Алексеевне Константиновой.

Смерть Екатерины II в 1796 г. и последовавшее за тем воцарение ее сына Павла изменило жизнь Николая Николаевича. Ему, как и многим его сверстникам – любимцам екатерининских фаворитов, не удалось избежать опалы нового императора. Лишь после того как в марте 1801 года Павел был убит заговорщиками, он был возвращен на службу. Александр I пожаловал ему чин генерал-майора. Но в декабре 1801 г. Раевскому вновь пришлось уйти в отставку, на этот раз по собственному желанию – обрести радости счастливой семейной жизни в сельском уединении. Супруга подарила ему второго сына и пять дочерей.

Вновь генеральский мундир Раевский надел лишь в 1807 г., сразу же окунувшись в военные сражения. Это и война с Наполеоном, где он, командуя егерской бригадой в авангарде армии Багратиона, отличился в боях под Гельсбергом и Фридландом; в следующем 1808 г. он прекрасно показал себя в ходе войны со Швецией, за что получил чин генерал-лейтенанта; в русско-турецкой войне 1806–1812 гг., командуя 11-й пехотной дивизией, Раевский принял участие в штурме Силистрии и Шумлы. Лишь ссора Раевского с главнокомандующим графом Н. М. Каменским привела к его высылке из дунайской армии.

Не обойден Раевский и наградами. В 1807 г. он получает орден Святого Владимира III степени и Святой Анны I класса, в 1808-м – орден Святого Владимира Большого Креста, в 1810-м, после взятия крепости Силистрия, он был награжден золотой шпагой с алмазами и надписью «За храбрость».

В 1811 г. Николай Николаевич Раевский получает под свое командование 26-ю пехотную дивизию, сосредоточенную на западной границе, а в апреле 1812 г. под его начало был передан 7-й пехотный корпус, входящий во 2-ю Западную армию П. И. Багратиона. В этой должности он встретил вторжение наполеоновской армии 1812 года.

Салтановка

12 (24) июня 1812 г. «великая армия» Наполеона перешла реку Неман – западную границу Российской империи. Через четыре дня французские войска заняли г. Вильно. Русская армия начала отступление, избегая крупного сражения. Первоначально против Наполеона действовали две русские армии. 1-я, под командованием М. Б. Барклая-де-Толли, насчитывавшая около 128 тыс. человек, и прикрывала петербургское направление. 2-я, под командованием П. И. Багратиона в составе 52 тыс. человек, была сосредоточена на московском направлении.

Наполеон рассчитывал разбить рассредоточенные русские армии поодиночке, планируя завершить войну в течение одного-двух месяцев. С этой целью он начал стремительно продвигаться вглубь страны, стараясь не дать русским армиям, разрыв между которыми был около 100 километров, соединиться. В свою очередь, Багратион попытался прорвать фронт французов для соединения с 1-й армией. Он приказывает генералу Раевскому идти к Могилеву.

10 (22) июля 1812 года 7-й пехотный корпус генерала Раевского сосредоточился у деревни Салтановка. Всего под его командованием было 17 тыс. человек при 84 орудиях. Русским войскам противостоял 26-тысячный корпус маршала Даву. Раевский поручил 26-й дивизии И. Ф. Паскевича обойти позицию французов слева по лесным тропам, сам же он намеревался одновременно атаковать основными силами по дороге вдоль Днепра. Паскевич с боем вышел из леса и занял деревню Фатово, однако неожиданная штыковая атака 4 французских батальонов опрокинула русских. Завязался бой с переменным успехом; французам удалось остановить натиск Паскевича на своем правом фланге. Обе стороны разделял ручей, протекающий в этом месте по окраине леса параллельно Днепру.

Сам Раевский атаковал фронтальную позицию французов 3 полками в лоб. Смоленский пехотный полк, наступая по дороге, должен был овладеть плотиной. Два егерских полка (6-й и 42-й) в рассыпном строю обеспечивали наступление на плотину. В ходе атаки колонну Смоленского полка в правый фланг опасно контратаковал батальон 85-го французского полка. Командир Смоленского пехотного полка полковник Рылеев был тяжело ранен картечью в ногу. В критический момент боя Раевский лично возглавил атаку, повернул колонну и отбросил французский батальон за ручей.

Очевидец боя, барон Жиро из корпуса Даву, так рассказал о его начале: «Налево у нас был Днепр, берега которого в этом месте очень топки; перед нами находился широкий овраг, в глубине которого протекал грязный ручей, отделявший нас от густого леса, и через него перекинут был мост и довольно узкая плотина, устроенная, как их обыкновенно делают в России, из стволов деревьев, положенных поперек. Направо простиралось открытое место, довольно бугристое, отлого спускавшееся к течению ручья. Вскоре я прибыл к месту, откуда наши аванпосты перестреливались с неприятельскими, выставленными по ту сторону оврага. Одна из наших стрелковых рот поместилась в деревянном доме у въезда на плотину, проделала в нем бойницы и сделала из него таким путем нечто в роде блокауза, откуда стреляли по временам во все что показывалось. Несколько орудий были поставлены наверху оврага так, чтобы стрелять ядрами и даже картечью в неприятеля, который попытался бы перейти его. Главные силы дивизии были построены в открытом месте направо от дороги и налево примыкали к дивизии Компана. <...> До десяти часов ничего не произошло серьезного, так как неприятель почти не показывался; но в этот именно час мы вдруг увидели выходящими из лесу и сразу в несколько местах, весьма близких друг от друга, головы колонн, идущих сомкнутыми рядами, и казалось, что они решились перейти овраг, чтобы добраться до нас. Они были встречены таким сильным артиллерийским огнем и такой паль-

бой из ружей, что должны были остановиться и дать себя таким образом громить картечью и расстреливать, не двигаясь с места, в продолжение нескольких минут; в этом случае в первый раз пришлось нам признать, что русские действительно были, как говорили про них, стены, которые нужно было разрушить».

Подвиг солдат Раевского под Салтановкой. Художник Н. С. Самокиш. 1912 г.

К полудню к месту боя прибыл маршал Даву и взял командование на себя. Все попытки французов обойти отряд Раевского оставались безуспешными. Известный историк Е. В. Тарле писал: «23 июля Раевский с одним (7-м) корпусом в течение десяти часов выдерживал при Дашковке, затем между Дашковкой, Салтановкой и Новоселовым упорный бой с наседавшими на него пятью дивизиями корпусов Даву и Мортье». В наиболее тяжелый и, казалось, безвыходный момент боя у деревни Салтановка, генерал Раевский взяв за руки своих двоих сыновей, старшему из которых, Александру, едва исполнилось семнадцать лет, и пошел с ними в атаку. Сам Раевский это опровергал – его младшему сыну было всего одиннадцать, но сыновья действительно находились в его войсках. Тем не менее героизм генерала поднял колонны русских солдат, а имя генерала после этого боя стало известно всей армии.

Оборона Смоленска. Художник П. А. Кривоногов. 1966 г.

На следующий день Даву, укрепив позиции, ожидал нового нападения. Но Багратион, видя невозможность прорыва через Могилев, переправил армию через Днепр и форсированным маршем двинулся к Смоленску. Когда Даву наконец спохватился, 2-я армия была уже далеко. План Наполеона окружить русскую армию или навязать ей генеральное сражение не удался.

Николай Николаевич Раевский был, как и его прямой начальник Багратион, любимцем солдат. Поведение под Дашковкой было для него обычным в тяжелые минуты боя. Это не мешало Николаю I впоследствии оставить без малейшего внимания все ходатайства старого генерала за своего зятя, декабриста Волконского. Войско Раевского ничуть не уступало своему командиру. Вот что доносил скупой на похвалы Раевский своему начальнику Багратиону после битвы между Салтановкой и Дашковкой: «Я сам свидетель, что многие офицеры и нижние чины, получив по две раны и перевязав их, возвращались в сражение, как на пир. Не могу довольно выхвалить храбрости и искусства артиллеристов: все были герои». В. А. Жуковский так воспел этот подвиг:

*Раевский, слава наших дней,
Хвала! Перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами.*

В память о бое при Салтановке была воздвигнута часовня-памятник. Сегодня она отреставрирована. Красивая легенда о храбром генерале Раевском, который впереди войск вел в бой своих сыновей, отражена в написанной в 1912 г. картине художника-баталиста Н. С. Самокиша.

Смоленск

3 августа 1812 г. армия Багратиона соединилась в Смоленске с армией Барклая-де-Толли. Началось знаменитое смоленское сражение. Наполеон решил зайти в тыл Барклаю, обойдя его левый фланг с юга, для чего форсировал Днепр западнее Смоленска. Здесь на пути авангарда французской армии оказалась 27-я пехотная дивизия генерала Д. П. Неверовского, прикрывающая левый фланг русской армии. Наполеон послал против 8-тысячной русской дивизии 20-тысячную кавалерию Мюрата. Упорное сопротивление, оказанное дивизией Неверовского под Красным, на целые сутки задержало наступление французов на Смоленск и дало время перебросить к городу корпус генерала Раевского. В первый день сражения под Смоленском его корпус практически один героически оборонял город от превосходящих сил Наполеона, а на следующий день его войска были заменены корпусом генерала Дохтурова. Угроза полного разгрома русской армии была предотвращена. Впереди было легендарное Бородино.

Батарея Раевского

29 августа командование русской армией принял Михаил Илларионович Кутузов. 7 сентября в 120 км от Москвы на Бородинском поле под его руководством было дано сражение, ставшее центральным событием всей войны. В центре расположения русской армии возвышалась господствующая Курганная высота. Именно ее было доверено защищать 7-му корпусу генерала Раевского, а в историю она вошла как «батарея Раевского». В знаменитом романе Л. Н. Толстого «Война и мир» мы читаем: «Курган, на который вошел Пьер, был то знаменитое (потом известное у русских под именем курганной батареи, или батареи Раевского, а у французов под именем *la grande redoute*, *la fatale redoute*, *la redoute du centre* (большого редута, рокового редута, центрального редута) место, вокруг которого положены десятки тысяч людей и которое французы считали важнейшим пунктом позиции. Редут этот состоял из кургана, на котором с трех сторон были выкопаны канавы. В окопанном канавами месте стояли десять стрелявших пушек, высунутых в отверстие валов. В линию с курганом стояли с обеих сторон пушки, тоже беспрестанно стрелявшие. Немного позади пушек стояли пехотные войска. Входя на этот курган, Пьер никак не думал, что это окопанное небольшими канавами место, на котором стояло и стреляло несколько пушек, было самое важное место в сражении».

Отказ пленного русского генерала П. Г. Лихачева принять шпагу из рук Наполеона. Хромофотография А. Сафонова. Начало XX века.

Действительно, в ходе битвы после захвата багратионовых флешей основная борьба развернулась за центр русской позиции – батарею Раевского, которая в 9 и 11 часов утра подверглась двум сильным атакам противника. Во время второй атаки войскам Э. Богарне удалось овладеть высотой, но вскоре французы были выбиты оттуда в результате успешной контратаки нескольких русских батальонов, возглавляемых генерал-майором А. П. Ермоловым. «Да, вот он, мой герой, – сказал Кутузов к полному красивому черноволосому генералу, который в это время входил на курган. Это был Раевский, прошедший весь день на главном

пункте Бородинского поля. Раевский доносил, что войска твердо стоят на своих местах и что французы не смеют атаковать более», – писал Л. Н. Толстой.

В полдень Кутузов направил казаков генерала от кавалерии М. И. Платова и кавалерийский корпус генерал-адъютанта Ф. П. Уварова в тыл левого фланга Наполеона. Рейд русской конницы позволил отвлечь внимание Наполеона и на несколько часов задержал новый штурм французами ослабленного русского центра. Воспользовавшись передышкой, Барклай-де-Толли перегруппировал силы и выставил на переднюю линию свежие войска. Лишь в два часа дня наполеоновские части предприняли третью попытку овладеть батареей Раевского. Действия наполеоновской пехоты и конницы привели к успеху, вскоре французы окончательно захватили и это укрепление. В плен к ним попал руководивший обороной раненый генерал-майор П. Г. Лихачев. Русские войска отошли, но прорвать новый фронт их обороны противник так и не смог, несмотря на все усилия двух кавалерийских корпусов. Потери десяти тысячного корпуса Раевского, которому пришлось выдержать удар двух первых атак французов на батарею, были огромными. По признанию самого Раевского, после боя он мог собрать «едва 700 человек». За героическую оборону Курганной высоты Раевский был представлен к награждению орденом Александра Невского. Кутузов, узнав о больших потерях, – 45 тыс. человек, отказался возобновить битву, приказав начать отступление к Москве. На военном совете в Филях, состоявшемся 13 сентября, Раевский, так же как и главнокомандующий М. И. Кутузов, высказался за оставление Москвы.

Отступление Наполеона из России. Художник Е. Коссак. 1827 г.

Именно на кургане Раевского в 1839 г. по проекту архитектора А. Адамини был установлен основной памятник Бородинскому сражению, варварски разрушенный в 1932 г. и восстановленный лишь в 1987 г. Именно у его подножия по инициативе Д. В. Давыдова был перезахоронен прах П. И. Багратиона, одного из величайших героев 1812 года, близкого друга и командира Раевского.

Изгнание Наполеона. Заграничный поход

2 сентября 1812 г. французская армия вступила в Москву. Однако занятие города не принесло пользы Наполеону. Уже через месяц император был вынужден оставить сожженный город. 19 октября французская армия начала отступление в сторону Калуги. Кутузов направил свою армию к Малоярославцу, где 12 октября произошло второе по значимости после Бородина сражение Отечественной войны. Город восемь раз переходил из рук в руки, и хотя в итоге он был занят французами, Наполеон все же вынужден был отказаться от движения на юг и повернуть на разоренную войной Старую Смоленскую дорогу. Началось отступление «великой армии». Под Малоярославцем Раевский вместе с Дохтуровым удачно защищал калужскую дорогу, а в сражении под Красным отчаянные атаки французов разбились о боевые порядки Раевского. За действия под Малоярославцем он был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. Вскоре после сражения под Красным Николай Николаевич был вынужден оставить армию. Сказались и постоянное перенапряжение сил, и многочисленные контузии и ранения. В строй он смог вернуться только спустя полгода.

В 1813 г. Раевский участвовал в сражениях под Бауценом, Дрезденом, Кульмом, Лейпцигом, во время которого был ранен в грудь, но оставался на лошади до конца битвы. Примечательно, что в лейпцигской битве, будучи адъютантом Раевского, участвовал известный русский поэт Константин Николаевич Батюшков. В 1814 г. под Бар-Сюр-Обом генерал командовал армией вместо раненого графа Витгенштейна; под Арсисом после кровопролитной битвы первым вошел в город, а затем преследовал неприятеля до Парижа.

Н. Н. Раевский на Аллее генералов – участников Смоленского сражения.

Поэты и декабристы

После 1821 г. благоволение императора Александра к Раевскому постепенно сошло на нет. Дело в том, что к российскому императору поступали сведения о наличии в России тайных обществ, а Н. Н. Раевский назвался одним из идейных вождей этих организаций. Эти обвинения были беспочвенны, но недоверие царя к генералу росло. В 1824 г. Раевский подал в отставку. И хотя никаких идейных и организационных связей с участниками будущих событий 14 декабря 1825 г. генерал не имел, его высокий нравственный авторитет позволял членам Южного и Северного общества рассматривать его кандидатуру как будущего члена временного российского правительства. Да и среди его родственников были крупные фигуры декабристского движения, прежде всего два его зятя – М. Ф. Орлов и С. Г. Волконский. Племянницы Раевского, сестры Бороздины, также вышли замуж за будущих участников заговора.

Однако само восстание стало для генерала полной неожиданностью. Близких ему людей одного за другим увозили казенные экипажи. Кратковременному аресту подверглись и два его сына. Раевский прибыл в Петербург, новый император окружил его показным вниманием и даже сделал членом Государственного совета. Тяжело генерал пережил отъезд в ссылку вслед за мужем своей дочери Марии Николаевны Волконской.

Здоровье генерала ухудшалось, и в 1829 г. он скончался. Друг генерала А. С. Пушкин выпросил для его вдовы С. А. Раевской пенсион в размере 12 тыс. рублей, написав соответствующее письмо к А. Х. Бенкендорфу.

ВИШНЯКОВ Я. В., к. и. н., доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО (У) МИД России.

Милорадович Михаил Андреевич

1 октября 1771–15 декабря 1825

Михаил Андреевич происходил из сербского рода, переселившегося в Россию при Петре I. Его отец был участником русско-турецких войн екатерининской эпохи, и в звании генерал-поручика стал наместником Малороссии. Будущий герой Отечественной войны 1812 г., его сын Михаил получил домашнее образование, а также прослушал некоторые курсы в европейских университетах и военных школах. Еще в детстве Милорадович был зачислен в лейб-гвардии Измайловский полк, в его рядах он участвовал в русско-шведской войне 1788–1790 гг., а в 1796 г. получил звание капитана. Подтянутый, молодцеватый и

исполнительный офицер при Павле I быстро выдвинулся и уже в 1798 г. стал генерал-майором и командиром Апшеронского мушкетерского полка.

Сражения и победы

Русский генерал от инфантерии (1809), участник походов Суворова, войны 1812 года, военный губернатор Санкт-Петербурга, человек большого личного мужества, кавалер многих российских и европейских орденов.

Боевой генерал Милорадович навсегда остался примером беззаветного служения России, а его неожиданная смерть от рук декабристов стала горьким упреком россиянам за внутренние распри.

В становлении Милорадовича как боевого командира немалую роль сыграло участие в Итальянском и Швейцарском походах в 1799 г. Он всегда шел в атаку впереди своего полка, и не раз его пример оказывался решающим для исхода боя. На поле брани Милорадович обнаруживал необычайную находчивость, быстроту и храбрость – отличительные свойства его дарований, развившихся еще сильнее в школе русского полководца Суворова. Суворов полюбил Милорадовича и назначил его дежурным генералом, иначе сказать – сделал его приближенным к себе человеком и не упускал случая предоставлять ему возможность отличиться.

Всегда щеголеватый и изысканно одетый, Милорадович под пулями мог спокойно закуривать трубку, поправлять амуницию и шутить. Отдаваясь музыке боя, он везде успевал, возбуждал войска личным примером; раньше всех садился на коня и слезал с него последним, когда все были устроены на отдых.

Характеристикой его бесстрашия и отваги может служить эпизод похода через Сен-Готард. При спуске с крутой горы в долину, занятую французами, солдаты Милорадовича вдруг заколебались. Заметив это, Михаил Андреевич воскликнул:

«Посмотрите, как возьмут в плен вашего генерала!» – и покатился на спине с утеса. Солдаты, любившие своего командира, дружно последовали за ним.

За походы 1799 г. он был награжден орденами святой Анны 1-й степени, святого Александра Невского и Мальтийским орденом.

По храбрости Милорадович не уступал никому из известных полководцев, но по удаче ему не было равных. «Пули сшибали султана с его шляпы, ранили и били под ним лошадей, – писал адъютант Ф. Глинка, – он не смущался; переменил лошадь, закуривал трубку, поправлял свои кресты и обвивал около шеи амарантовую шаль, которой концы живописно развевались по воздуху».

В 1805 г., в период русско-австро-французской войны, командуя бригадой в составе армии М. Кутузова, отличился в боях у Амштеттена и под Кремсом. В последнем ему была поручена фронтальная атака неприятельской позиции. За мужество и доблесть в сражении, продолжавшемся весь день, он был удостоен ордена Святого Георгия 3-й степени и чина генерал-лейтенанта.

В 1806 г. с началом русско-турецкой войны Милорадович во главе корпуса переправился через Днестр и, заняв Бухарест, избавил Валахию от разорения. Продолжая действовать в составе Молдавской армии, снискал себе славу бесстрашного и мудрого командира, был награжден золотой шпагой с надписью: «За храбрость и спасение Бухареста». В 1809 г., проявив лучшие черты полководческого дарования, одержал победу в сражении при Рассе-

вате и был произведен в генералы от инфантерии, став в 38 лет полным генералом. После этого из-за разногласий с главнокомандующим Молдавской армией князем Багратионом он был переведен в Валахию командиром резервного корпуса.

В 1810 г. Милорадович вышел в отставку и некоторое время был киевским генерал-губернатором. Пребывание его на этом посту отмечено небывало комфортными условиями службы чиновников. Пышные балы, которые он давал в Мариинском дворце и на которые публика нередко являлась в национальных костюмах, до сих пор остаются городской легендой. Атмосфера доброжелательности и толерантности, созданная для всего киевского общества, позволила ему успешно преодолеть серьезный кризис: летом 1811 г. разрушительный пожар уничтожил почти весь нижний город. Основная часть строений была деревянной, поэтому количество жертв и масштаб разрушений, причиненных стихийным бедствием, был огромен. Милорадович лично присутствовал при тушении пожаров, зачастую возвращаясь домой в шляпе с обгоревшим плюмажем.

Герб графа Милорадовича в России.

Генерал М. А. Милорадович.

Огромные размеры ущерба, оставшееся без крова над головой и средств к существованию население – все это легло на плечи градоначальника Милорадовича. Он был вынужден обратиться к киевскому дворянству за помощью. Последнее охотно откликнулось на призыв генерал-губернатора. Благодаря инициативе и чувству долга Милорадовичу удалось в конце концов наладить нормальную жизнь Киева.

В июле 1812 г. Милорадович получил письмо от Александра I, в котором ему поручалась мобилизация полков Левобережной, Слободской Украины и юга России для расположения их между Калугой, Волоколамском и Москвой. С 18 августа 1812 г. М. А. Милорадович с 15-тысячным подкреплением уже в р-не Гжатска, где вливается в ряды армии, сражающейся с Наполеоном.

В Бородинском сражении он командовал правым крылом 1-й армии Барклая-де-Толли, успешно отбив все атаки французов. Затем возглавил арьергард и сумел на глазах у Мюрата (руководившего авангардом французских войск) организовать беспрепятственное продвижение русской армии через Москву. На переговорах с французским маршалом он четко заявил: «В противном случае я буду драться за каждый дом и улицу и оставлю вам Москву в развалинах».

При переходе русских войск на старую Калужскую дорогу арьергард Милорадовича своими энергичными ударами по противнику, неожиданными и хитроумными перемещениями обеспечил скрытное проведение этого стратегического маневра. В горячих боях и стычках он не раз заставлял отступать рвавшиеся вперед французские части.

Когда под Малоярославцем корпуса Дохтурова и Раевского перекрыли путь французской армии на Калугу, Милорадович от Тарутина совершил столь стремительный марш к ним на помощь, что Кутузов назвал его «крылатым» и поручил генералу непосредственное преследование противника. В сражении под Вязьмой (28 октября) авангард Милорадовича

при поддержке казачьего отряда Платова нанес поражение четырем французским корпусам и занял город. Милорадович атаковал французов без разрешения фельдмаршала. Кутузову вместо диспозиции был прислан в конверте чистый лист бумаги. На плечах французов он овладел Дорогобужем, а затем отличился в сражении под Красным, заставив французские войска повернуть по проселкам к Днепру.

Главнокомандующий Кутузов был доволен этим обстоятельством и похвалил генерала:

– Ты ходишь скорее, чем летают ангелы.

В Вильно Александр I лично вручил отважному генералу алмазные знаки к ордену Святого Георгия 2-й степени. По поручению царя Милорадович был направлен для занятия Варшавского герцогства, где он сумел почти бескровно вытеснить австрийцев и овладел Варшавой. Отечественная война 1812 г. сделала имя Милорадовича необыкновенно популярным и известным.

Его адъютант Федор Глинка оставил следующий портрет М. А. Милорадовича в тех боях:

«Одет щегольски, в блестящем генеральском мундире; на шее кресты (и сколько крестов!), на груди звезды, на шаге горит крупный алмаз... Средний рост, ширина в плечах, грудь высокая, холмистая, черты лица, обличающие происхождение сербское... Он, казалось, оделся на званый пир!.. Французы называли его русским Баярдом; у нас за удайство, немного щеголеватое, сравнивали с французским Мюратом. И он не уступал в храбрости обоим.

Сражение под Вязьмой. Художник Петер фон Гесс.

Боевую славу русского генерала Михаил Андреевич подтвердил в заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. Сдерживая атаки противника, он молниеносно перестраивал войска и контратаковал. Его действия восхищали самого Александра I, наблюдавшего за сражением при Бауцене. Под командованием Баркляя-де-Толли с успехом действовал в

сражении под Кульмом В ходе Лейпцигской «битвы народов» ему было доверено командовать русской гвардией. Успешные действия военачальника настолько впечатлили императора, что Милорадович был произведен в графское достоинство, избрав в качестве девиза слова «Прямота моя меня поддерживает», и впоследствии командовал не только русскими, но и прусскими гвардейскими и гренадерскими корпусами.

Сохранились воспоминания о его поведении в бою при Басиньяно 1799 г., когда генерал разъезжал под пулями и картечью неприятеля:

Смерть угрожала собственно ему, когда французский стрелок нацелил по нем в трех шагах из-за куста и неприятельский офицер, наскочав, взмахнул уже саблей, чтобы разрубить ему голову, но Провидение оказало ему в сей день явное покровительство свое. Три лошади убиты под ним, четвертая ранена. В сем-то сражении, видя общее замешательство войск, он схватил знамя и, закричав: «Солдаты! Смотрите, как умрет генерал ваш!» – поскакал вперед...

После возвращения в Россию граф Милорадович возглавлял цвет армии – гвардию, а в 1818 г. был назначен на пост генерал-губернатора Петербурга. Зная для себя лишь одно достойное занятие – войну, он не имел удовлетворения от должности градоначальника. Но при разного рода происшествиях, особенно в дни наводнений, генерала неизменно видели распорядительным, смелым и энергичным. Михаил Андреевич остался верен своим убеждениям, и атмосфера доброжелательности, справедливости и гуманности царила во всех его делах и начинаниях. Открытый и благожелательный, он не раз писал императору: «Убедительно прошу ваше величество не награждать меня... По мне лучше выпрашивать ленты другим, нежели получать их, сидя у камина».

Пленные кричали ему:

Да здравствует храбрый генерал Милорадович!

Михаил Андреевич, стараясь избежать кровопролития, отказался во время мятежа декабристов вести конногвардейский полк против восставших, вместо этого он лично поскакал на Сенатскую площадь, где, приподнявшись на стремянах и достав золотой клинок, обратился к солдатам:

Скажите, кто из вас был со мной под Кульмом, Лютценом, Бауценом?» Тихо стало на площади. «Слава Богу, – воскликнул Милорадович, – здесь нет ни одного русского солдата!

Возникшее на площади замешательство было прервано одиночным выстрелом Каховского, поставившего точку в жизни этого доблестного и справедливого человека.

Восстание декабристов на Сентской площади в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825 г.
К. Кольман.

Полжизни провел Милорадович в жарких боях и схватках, рисковал часто и помногу, но оставался жив. И смерть в мирное время от руки соотечественника стала укором и уроком

для России. Единственным, что утешило Михаила Андреевича перед смертью было то, что пуля, извлеченная из его тела, была не ружейная, а значит – не солдатская. Перед самой смертью он продиктовал свою последнюю волю. Среди прочего там значилось: «Прошу Государя Императора, если то возможно, отпустить на волю всех моих людей и крестьян».

Баловень судьбы, сквозь все битвы он прошел без единой царапины, хотя не раз лично возглавлял штыковые атаки и личным примером воздействовал на своих солдат.

Войной он жил и без войны скучал. Имел редкий дар говорить с солдатами и, не щадя себя, делил с ними все невзгоды военного времени. Солдаты очень любили его за беспредельную храбрость и доброе отношение к подчиненным. Он не был стратегом, но был великолепным тактиком. Вера в своих солдат, в успех и личный героизм зачастую переламявали исход, казалось бы, предрешенного боя.

Михаил Андреевич имел открытое, веселое лицо, искренний, прямой характер. Вдали от армии франтоватый Милорадович слыл первым танцором, вел крайне расточительную жизнь и славился любовью к женщинам, хоть и погиб убежденным холостяком. «Не понимаю, какой интерес жить без долгов», – шутил генерал. После его смерти проданного имения едва хватило на покрытие долгов.

Суржик Д. В., научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Ермолов Алексей Петрович

24 мая 1777–11 апреля 1861

Ермолов Алексей Петрович (24 мая 1777–11 апреля 1861) – выдающийся русский военачальник и государственный деятель, участник многих войн Российской империи конца XVIII – первой половины XIX вв. Генерал от инфантерии (1818) и генерал от артиллерии (1837).

Сражения и победы

Выдающийся русский военачальник и государственный деятель, участник многих войн Российской империи. В отличие от многих друзей-современников генерал Ермолов не был просто солдатом империи. В этой роли ему было тесно. Он был носителем имперского духа и стал для современников фигурой легендарной.

Личность замечательного русского генерала вдохновляла великого русского поэта. В непростой российской истории можно найти немало выдающихся деятелей, окруженных ореолом некой загадочности, и поэтому вызывающих любопытство и противоречивые оценки у образованной и читающей публики. Но российский «проконсул» Кавказа генерал Алексей Петрович Ермолов по степени мифологизации выделяется особо среди этой когорты «загадочных» фигур. Его нельзя отнести к самым образованным людям своего времени. Даже самым благородным назвать сложно. Но его абсолютная уникальность заключалась в том, что он всем своим жизненным путем предсказал будущность империи. И потому феномен Ермолова так важен для понимания исторической судьбы России. В отличие от многих друзей-современников он не был просто солдатом империи. В этой роли ему было тесно. Он был носителем имперского духа более мощного, чем в общественном сознании своего времени. И именно поэтому еще до кавказской своей эпопеи, с которой по преимуществу связано его имя в сознании потомков, он стал для современников фигурой легендарной.

Смирись, Кавказ, идет Ермолов!

Эти пушкинские строки из поэмы «Кавказский пленник» широко известны.

До Кавказа

Будущий покоритель Кавказа родился в Москве в скромной дворянской семье 24 мая 1777 г. Его отец был небогатый помещик Орловской губернии, а мать – Мария Денисовна Давыдова, родная тетка известного партизана и поэта Дениса Васильевича Давыдова. Недостаток средств в семье не позволил будущему генералу получить хорошее образование. Его первым учителем стал их же крепостной дворовый человек, по имени Алексей, который с букварем и с указкой учил грамоте будущего полководца. Затем были обучение в домах родственников и университетский благородный пансион. В 1787 году по обычаям того времени Ермолов был зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк.

Сам же он так впоследствии говорил о своем образовании:

Бедное состояние семьи моей, не допустило дать мне нужное образование.

(Хотя Алексей Петрович Ермолов был великолепно начитан.)

«Шарлатаны, – говорил он также, – учили взрослых, выдавая себя за жрецов мистических таинств; невежды учили детей, и все достигали цели, то есть скоро добывали деньги. Между учителями были такие, которые, стоя перед картою Европы, говорили: «Париж, столица Франции... ищите, дети мои!» – потому что сам наставник не сумел бы сразу ткнуть пальцем в свой Париж».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.